
СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

SOCIOLOGY OF SECURITY

УДК 314.748

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ*

Д.А. Омельченко, С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина

*Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул,
e-mail: daria.omelchenko@mail.ru*

Россия является одной из наиболее привлекательных стран для международной миграции, что порождает поле для дискуссии относительно вызовов и опасностей, связанных с проблемами ее регулирования. Разнообразие российских регионов, значительные различия в географическом, экономическом положении проявляются и в неравномерности рисков, вызываемых миграционными потоками. В рамках данной статьи представлен анализ региональной статистики относительно международной миграции, выявлены факторы, сдерживающие и стимулирующие приток мигрантов в регион, представлена типология регионов по совокупности показателей, объединяющих особенности демографической ситуации, приграничного статуса, экономического положения, образовательной и миграционной стратегий.

Ключевые слова: международная миграция, российские регионы, нацио-

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект 28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», 2017-2019.

нальная безопасность, социально-экономическое развитие, демографическое развитие, типология регионов.

INTERNATIONAL MIGRATION AND SECURITY IN RUSSIAN REGIONS: STATISTICAL ANALYSIS AND THE EXPERIENCE OF TYPOLOGY BUILDING

D.A. Omelchenko, S.G. Maximova, O.E. Noyanzina

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: daria.omelchenko@mail.ru*

Russia is one of the most attracting countries for international migration, that engender acute discussion about threats and insecurities, related to its regulation. Diversity of Russian regions, important differences in their geographic, economic positions leads to unevenness of risk distribution, engendered by migration flows. The article presents the analysis of regional statistical data about international migration, reveals factors, inhibiting or in contrast stimulating migration inflows in region, describes the experience of typology building based on a set of indicators, uniting peculiarities of demographic situation, border status, economic position, educational and migratory strategies.

Keywords: *international migration, Russian regions, national security, social-economic development, demographic development, typology of regions.*

Введение

Современное видение международной миграции неразрывно связано с проблематикой безопасности, затрагивающей интересы отдельных индивидов, социальные группы, нации и все мировое сообщество. Взаимосвязь двух сфер – миграции и безопасности – настолько сильна, что в академической рефлексии они оказались соединены в единый «узел», или «ядро», в англоязычной литературе получившие название «the migration-security nexus» (Faist, 2006; Pinyol-Jimenez, 2012). Между тем поворот в интерпретации миграционных проблем – не только в демографических, антропологических, социально-экономических терминах, но, прежде всего – как связанных со стабильностью, сохранением общественного порядка и безопасности обозначился сравнительно недавно. Вызовы и угрозы безопасности со стороны миграции проявились только в контексте изменения геополитической дислокации, связанной с окончанием холодной войны, и социальных и политических сдвигов, спровоцированных глобализацией (Castles, De Haas, & Miller, 2013). Именно в конце 1980-х, в силу известных событий, повлекших за собой исчезновение «советской» угрозы, содержание понятия «национальной безопасности» было расширено и инкорпорировало новые концепты, напрямую не связанные с традиционным во-

енными угрозами (Rogers & Copeland, 1993). Террористические атаки 11 сентября 2001 г. в Америке, «арабская весна» в странах Магриба в 2011 г. и европейский миграционный кризис (начавшийся в 2015 г. и до сих пор нерешенный) привели к еще большему усилению секьюритизации миграционных процессов, которые стали рассматриваться неразрывно с проблемами терроризма и общественного контроля, национальной дезинтеграцией, смешением идентичностей и культурными трансформациями (Nail, 2016; Epstein & Gang, 2010).

Взаимосвязь международной миграции и безопасности на национальном уровне имеет внешнюю и внутреннюю направленность. Ее внешний или стратегический аспект предполагает акцент на деятельности государства, политике обеспечения национальной безопасности. Регулирование международной миграции встроено в систему международных отношений, связанных с контролем границ, экономическим сотрудничеством и борьбой с международной преступностью, в том числе связанной с терроризмом, торговлей людьми, наркотиками и оружием (Тюрюканова, 2006; Патрушев, 2010; Рязанцев, 2013). С другой стороны, – это актуальная проблема внутренней безопасности государства, носящая ярко выраженный гуманитарный характер, так как трудовые мигранты (в особенности нелегальные) являются одной из групп, наиболее уязвимых к угрозам дискриминации и социальной эксклюзии, ксенофобии и национализма (Таран, 2010; Мукомель, 2011; Ноянзина, Гончарова, Максимова, 2014).

Россия, подобно другим странам, выступающим центрами миграционного притяжения, испытывает на себе все риски, связанные международной миграцией, – политические, экономические, криминальные, социальные (Ивахнюк и Дауров, 2003). Немаловажную роль миграция оказывает и на этнокультурный облик российского общества. Анализ изменений этнической структуры населения России свидетельствует об усложнении этнических процессов на территории страны. Процессы «коренизации», «стягивания» народов в национально-территориальные образования, наиболее характерные для начального постсоветского периода, постепенно стабилизируются и ослабевают (Орлов, 2013; Сафронов, 2015), в то время как миграционные потоки, в особенности из стран СНГ, напротив, интенсифицируются, «размывая» территориальную этническую картину, создавая новую этнокультурную реальность, требующую новых подходов к регулированию межэтнических взаимодействий.

Высокая степень дифференцированности российских регионов, определяемая целым комплексом факторов – различиями в природно-климатических и географических условиях, этноконфессиональном разнообразии, особенностями регионального и муниципального управления и социально-экономического развития, приводит к тому, что проблемы международной миграции имеют неодинаковое значение для разных российских территорий. В этой связи концептуализация международной миграции и ее эмпирический анализ в контексте безопасности без учета гетерогенности, пространственной, культурной и экономической диффузии не вполне адекватна российским реалиям. В свою очередь, особую важность для анализа современных миграционных трендов приобретают теоретические модели, увязывающие миграционные процессы с процессами модернизации, социально-

экономического и демографического развития с точки зрения пространственно-временной перспективы.

Так, теория мобильного перехода (Zelinsky, 1971) и развивающая ее теория миграционной регионализации (Skeldon, 1997, 2012) рассматривают миграции в структурной динамике и во взаимосвязи с другими динамическими процессами, как демографическими, так и социально-экономическими: экономическим ростом, развитием и распределением инноваций, формированием новых каналов передачи информации, увеличением (или сокращением) экономических возможностей, ростом благосостояния населения как условием формирования миграционных намерений (цит. по Ивахнюк, 2015: 47). Они объясняют направленность миграционных потоков в зависимости от уровня инновационного развития принимающих и посылающих сообществ. В частности, в своей попытке представить глобальную типологию Р. Скелдон выделяет пять групп регионов с присущими им формами территориальной мобильности: страны 1) «старого» и 2) «нового» ядра (core) – Западная Европа, Северная Америка, Япония, характеризующиеся высокой степенью внутренней децентрализации и высокими темпами иммиграции; 3) страны, примыкающие к ядру (Восточный Китай, Южная Африка, Восточная Европа), в которых внутренняя централизация, для которой характерны процессы урбанизации и миграции из села в город, сопровождается одновременно притоком и оттоком внешних мигрантов, 4) страны так называемой «трудовой границы» (“labor frontier”) (Марокко, Египет, Турция, Филиппины), с доминирующей иммиграцией и внутренней централизацией, и 5) страны «ресурсной ниши» (страны к югу от Сахары, Центральной Азии и Латинской Америки), где миграционные потоки переменчивы и достаточно слабы (цит. по Naas, 2005).

Несмотря на то, что изначально данная модель была разработана на основе опыта европейских стран, ее основные теоретические принципы – более широкий, нежели в экономических теориях миграции (таких как теория «притяжения-выталкивания», теория сегментирования рынка труда и другие) взгляд на причины миграции, динамический характер, позволяющий проанализировать изменения в миграционных трендах, присущих тому или иному региону, системность и учет широкого спектра факторов демографического и социально-экономического характера, могут использоваться для анализа миграционных процессов в российских регионах. Ведь помимо общих черт, присущих российскому обществу, каждый регион находится в определенной фазе модернизационного развития (что подтверждается всевозможными региональными рейтингами), а значит, может рассматриваться как пространственная (территориальная) единица, обладающая определенным набором условий и факторов, формирующих особенности миграционной ситуации. Именно идея «перехода», различий в исходных условиях, воспринимаемых мигрантами, является ключевой для понимания того, почему одни регионы являются преимущественно донорами мигрантов, а другие, напротив, их принимают, а также того, почему при одинаковых показателях, например, демографического развития, миграционные процессы в регионах протекают по-разному.

В фокусе данной статьи находятся статистические данные, касающиеся международной миграции в регионах России. Ее задачей является поиск значимых

коррелятов между миграционными процессами, географическим положением, демографическим, социальным и экономическим развитием, по сути выступающих эмпирическим подтверждением для вышеупомянутой теоретической модели. Выявление этих факторов необходимо для адекватной оценки существующей и разработки более дифференцированной политики государства в области управления миграционными процессами, учитывающей специфику региона и интересы населения, что будет служить в перспективе преодолению экономического отставания регионов, формированию безопасного, свободного от вызовов и угроз со стороны миграционной и демографической реальности регионального жизненного пространства.

Международная миграция в России: о чем говорит статистика?

Объемы миграционных потоков, их количественный и качественный состав чрезвычайно подвижны и обусловлены как экономическими (различиями в уровне жизни и благосостоянии отдельных стран исхода и назначения), так и неэкономическими (прежде всего военными, политическими, экологическими, расовыми, культурными и пр.) причинами. Кроме того, следует учитывать, что мигранты являются крайне гетерогенной в социальном, экономическом и культурном отношении группой, и их влияние на социально-экономическое и этнокультурное развитие территорий, на которые они прибывают, в значительной степени зависит от страны происхождения, специфики взаимоотношений между этими странами, включая политические и исторические взаимосвязи, сходство менталитета, материальной и духовной культуры, степени дальнейшего укоренения и интеграции в российское общество.

Как отмечает Е. Щербакова, численность населения России увеличивается за счет миграционного обмена с другими странами (ранее – с союзными республиками), начиная с 1975 г. (в послевоенный период внешние миграции в силу существовавшего «железного занавеса» были минимальными, а миграционный обмен с республиками был «не в пользу» России). До первой половине 1990-х гг. сальдо международной миграции быстро увеличивалось, достигнув наибольшей величины в 1994 г. (845,7 тысячи человек, или 6,6%), чему немало способствовала проводимая в большинстве постсоветских республик политика по «выталкиванию» населения некоренной национальности, а затем произошло довольно резкое сокращение как миграционной активности, так и миграционного прироста (Щербакова, 2012). В середине 2000-х гг. отмечалась относительная стабилизация миграционного прироста, которая в конце десятилетия сменилась ростом, а затем стабилизацией на более высоком уровне и очередным снижением (там же). В условиях демографического кризиса международная миграция стала единственным источником восполнения численности народонаселения России (Рыбаковский, 2005; Алешковский, 2011).

Согласно данным национальной миграционной службы, предоставляемым Росстатом, в последние девять лет объемы иммиграции в Россию были весьма значительными. За период 2008-2016 гг. общий миграционный прирост в стране составил 2 335 551 чел., что позволило частично компенсировать естественную убыль населения. Среднегодовой прирост составил 259 тыс. человек, наиболее значитель-

ный прирост был зафиксирован в 2011 г. (319,8 тыс. чел.), наименьший – в 2010 г. (158,1 тыс. чел.). В общем объеме международной миграции доля притока из стран, входящих в число стран СНГ и Балтии, являлась преобладающей, в то время как вклад других стран крайне мал. Более того, в 2008 и 2009 гг. миграционный прирост за счет обмена с другими зарубежными странами составил отрицательную величину, которую пришлось уже компенсировать за счет стран СНГ (рис. 1).

Рис. 1. Миграционный прирост по России, чел. 2006-2016 гг. (источник: Росстат)

Одной из главнейших тенденций, характерных для современной России, является широкомасштабная убыль населения из периферийных регионов в сторону центра, в экономически более развитые регионы, а также эмиграция из России за рубеж, приобретающая многообразные формы, значительные масштабы, сопровождающаяся вывозом капитала и утратой интеллектуальных и трудовых ресурсов страны (Рязанцев, Лукьянец, 2016; Потапова, 2017).

По данным показателя общего миграционного прироста за последнее десятилетие, в 50 регионах из 85 (если учитывать данные за последние три года по республике Крым и г. Севастополю) наблюдается существенный отток населения, приводящий к отрицательному миграционному салдо. Значительный приток мигрантов, превышающий 10 тыс. чел. в среднем в год за период 2008-2016 гг. (как международных, так и внутренних) наблюдался только в Московской области (в среднем 91,8 тыс. чел. в год за указанный период) и Москве (76,1 тыс. чел.), Санкт-Петербурге (50,7 тыс. чел.), а также Краснодарском крае (46,9 тыс. чел.), Ленинградской области (18,1 тыс. чел.), Тюменской области (16,0 тыс. чел.), Новосибирской области (15,2 тыс. чел.), г. Севастополь (11,5 тыс. чел.) и Республике Крым (11,1 тыс. чел.).

Наибольший отток населения наблюдался в Республике Дагестан (14,8 тыс. человек ежегодно в течение 2008-2016 гг.), Республике Коми (9 тыс. чел.), Архан-

гельской области (7,9 тыс. чел.), Республике Саха (7,2 тыс. чел.). Еще в 15 регионах показатель среднегодовой убыли населения достигал 3-6,5 тыс. человек в год. Это Приморский край, Удмуртская Республика, Амурская область, Республика Северная Осетия – Алания, Ямало-Ненецкий автономный округ, Кировская область, Кабардино-Балкарская Республика, Алтайский край, Волгоградская область, Оренбургская область, Курганская область, Мурманская область, Забайкальский край, Иркутская область (регионы перечислены в порядке возрастания убыли населения).

В то же время сравнение вклада международной миграции в общие показатели миграционной убыли/прироста в российских регионах, показывает, что в среднем международный миграционный прирост является положительным, его среднегодовые значения за восемь лет ни в одном из регионов не опускались ниже нулевого значения. Это говорит о том, что иностранные граждане в большей степени приезжают, чем уезжают, даже если речь идет о сезонных, временных миграциях, потоки постоянно растут.

Крупнейшими центрами притяжения иностранных граждан (по данным среднегодового миграционного прироста за счет обмена с иностранными государствами в период 2008-2016 гг.) являлись Московская область (19,4 тыс. чел. в год), Краснодарский край (12,5 тыс. чел.), Москва (11,9 тыс.), Республика Крым (11,7 тыс. чел.). От пяти до восьми тысяч международных мигрантов ежегодно увеличивали численность населения Санкт-Петербурга, Новосибирской, Воронежской, Кемеровской, Самарской, Саратовской, Калужской, Ростовской, Тульской, Белгородской, Тверской, Курской, Челябинской, Ленинградской областей, Красноярского края, Севастополя, Ханты-Мансийского автономного округа. Наименьший приток иностранных граждан (менее 200 чел. в год) наблюдался в Чеченской и Карачаево-Черкесской республиках, республиках Ингушетия, Тыва и Калмыкия, Ненецком и Чукотском автономных округах, Еврейской автономной области.

Таким образом, на основании анализа статистики миграционного прироста и сопоставления объемов потоков внутренней и внешней миграции можно выделить три основных типа регионов, с характерной для них миграционной ситуацией:

- регионы, привлекательные для миграции, с интенсивными потоками миграции (как внутренней, из других регионов России, так внешней, из других стран). Это прежде всего уже названные центральные и промышленно развитые регионы, активно развивающиеся санаторно-курортные и рекреационные зоны (Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Тюменская, Новосибирская области, Краснодарский край, республика Крым, г. Севастополь);
- регионы, в которых население в силу миграционной убыли восполняется и увеличивается за счет притока иностранных граждан (компенсирующая миграция): Курская область, Калужская область, Красноярский край, Ростовская область, Тульская область, Ставропольский край;
- регионы, основное население из которых уезжает, но при этом не происходит компенсации со стороны международных мигрантов (Республика Калмыкия, Ненецкий авт. округ, Республика Тыва, Еврейская автономная область, Забайкальский край). Это так называемые «исчезающие» регионы.

Факторы, определяющие международную миграцию, и структура российских регионов

С целью выявления характеристик демографического, социально-экономического, социокультурного и общественного развития регионов, коррелирующих с объемами международной миграции, на основе статистических данных, предоставляемых Федеральной службой государственной статистики (Росстата), миграционных данных (Федеральной миграционной службы (по данным до 2016 г.), Министерства внутренних дел Российской Федерации) и других открытых источников данных был выделен комплекс статистических показателей. Их содержание включало особенности миграционной ситуации, демографические показатели, характеризующие возрастную-половую состав и трудоспособность населения, положение на рынке труда и занятости населения, возможности региональных систем образования по подготовке трудовых ресурсов, социально-экономическое положение региона, уровень и качество жизни, показатели общественной безопасности.

В качестве основного показателя, используемого для оценки объема международных миграционных потоков, применялся показатель среднего миграционного прироста населения региона за счет международного обмена, рассчитываемый по данным 2008-2016 гг. Общий список показателей, используемый для построения типологии, включал следующие:

Характеристики миграционной ситуации:

- средний миграционный прирост населения за счет международной миграции, человек, 2008-2016 гг.;
- средний коэффициент общего прироста населения на 1000 чел., 2011-2016 гг.;
- средний миграционный прирост за счет обмена с другими регионами, 2011-2016 гг.;
- численность беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, получивших временное убежище в субъектах Российской Федерации, на момент начала 2017 г.;
- наличие на территории региона государственной границы (морской или сухопутной);
- количество стран, с которыми граничит регион;
- количество пунктов пропуска через государственную границу (по всем типам сообщения: автомобильные, железнодорожные, воздушные, морские (речные, озерные), смешанные, пешеходные);
- численность иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших гражданство Российской Федерации (в том числе случаи получения, восстановления и признания гражданства).

Характеристики демографической ситуации:

- среднегодовая численность населения, 2016 г.;
- средний коэффициент естественного прироста населения на 1000 чел., 2011-2016 гг.;
- удельный вес городского населения, 2016 г.;
- доля населения моложе трудоспособного возраста, 2016 г.;
- коэффициент демографической нагрузки (на 1000 человек трудоспособного воз-

- раста приходится лиц нетрудоспособных возрастов), 2016 г.;
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2016 г.;

Характеристики рынка труда и занятости:

- уровень занятости, в процентах, 2015 г.;
- доля занятых с высшим образованием, 2015 г.;
- доля занятых со средним профессиональным образованием, 2015 г.;
- доля занятых со средним общим образованием, 2015 г.;
- доля занятых с основным общим образованием, 2015 г.;
- доля занятых без образования, 2015 г.;
- уровень безработицы, в процентах, 2015 г.;
- среднее время поиска работы безработными, месяцев, 2015 г.;
- удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, в процентах, 2015 г.

Характеристики системы образования:

- охват детей дошкольным образованием, доля детей соответствующего возраста, 2015 г.;
- выпуск квалифицированных рабочих и служащих на 10 тыс. населения;
- выпуск специалистов среднего звена, тысяч человек.
- Характеристики социально-экономического положения и уровня жизни:
- валовый региональный продукт на душу населения, в тыс. рублей, 2015 г.;
- индекс человеческого развития в регионах Российской Федерации, 2014 г.

Характеристики общественной безопасности:

- число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения, 2016 г.

На первом этапе на основе корреляционного анализа были определены показатели, в большей степени обуславливающие дифференциацию регионов по интенсивности международных миграционных потоков (табл. 1).

Отрицательное воздействие на показатели международной миграции в регионе оказывали: низкий или отрицательный естественный прирост населения ($r = -0,267$, $p < 0,05$) и высокая доля населения моложе трудоспособного возраста ($r = -0,411$, $p < 0,01$), косвенно свидетельствующая о высокой рождаемости и отсроченном влиянии на демографическую структуру населения процессов демографического старения, свойственных регионам с ярко выраженной национальной спецификой (Чеченской, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республикам, республикам Тыва, Ингушетия, Алтай, Дагестан, Башкортостан, Саха (Якутия), Бурятия, Калмыкия, Иркутской области и др.).

Немаловажную роль в сдерживании притока международных мигрантов за счет региональных трудовых ресурсов играли показатели регионального рынка труда и системы образования. В ходе исследования были выявлены достоверные взаимосвязи между международным миграционным приростом и долей занятых с основным общим образованием ($r = -0,368$, $p < 0,01$) и без образования ($r = -0,302$, $p < 0,01$), а также количеством выпускаемых квалифицированных рабочих и служащих ($r = -0,381$, $p < 0,01$). Таким образом, способность региона самостоятельно заполнить потенциальные трудовые ниши, занимаемые международными мигран-

тами, обеспечить высокий уровень трудоустройства специалистов рабочих специальностей и лиц, не имеющих высокую квалификацию, способствовала снижению потребности в подобного рода трудовых ресурсах, что определяло количество привлекаемых в регион иностранных граждан.

Еще одной значимой характеристикой регионального рынка труда, оказывающей дестимулирующее влияние на международную миграцию, являлась безработица. Как показал проведенный анализ статистических данных, в регионах с высоким уровнем безработицы и большим удельным весом безработных, находящихся в затяжном поиске работы и большим периодом нахождения работы, наблюдался значительно меньший среднегодовой прирост международных мигрантов, чем в регионах, где ситуация на рынке труда была более благоприятной.

Факторами, ассоциирующимися с высокими значениями миграционного прироста, являлись численность населения региона ($r = 0,666$, $p < 0,01$), общий прирост населения ($r = 0,249$, $p < 0,05$), показывающий не только вклад международной миграции в воспроизводство населения, но и вклад миграционных потоков из других регионов России, а также влияние естественного движения населения, характеризующих регион с позиций демографического развития или депопуляции, выпуск специалистов среднего звена ($r = 0,616$, $p < 0,01$) и специалистов с высшим образованием ($r = 0,227$, $p < 0,05$), уровень жизни, грамотности, образованности и долголетия в регионах, измеряемый по индексу человеческого развития ($r = 0,474$, $p < 0,01$). Непосредственное отношение к факту перемещения из страны в страну также имело имеющееся в регионе количество пунктов пропуска через государственную границу, характеризующее потенциальные возможности региона принимать большие миграционные потоки ($r = 0,4$, $p < 0,01$). Особенности миграционной политики в регионе, ее нацеленность на открытость и максимальную интеграцию мигрантов либо на применение ограничительных стратегий иллюстрировали показатели количества вынужденных переселенцев ($r = 0,599$, $p < 0,01$) и получивших гражданство Российской Федерации ($r = 0,609$, $p < 0,01$).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции
между средним миграционным приростом населения
за счет международного обмена (2008-2016 гг.)
и показателями демографической ситуации, рынка труда и занятости,
образования, социально-экономического положения

Показатель	Средний миграционный прирост за счет международной миграции, 2008-2016
Коэффициент общего прироста населения на 1000 чел., 2011-2016, среднее	0,249*

Показатель	Средний миграционный прирост за счет международной миграции, 2008-2016
Коэффициент естественного прироста населения на 1000 чел., 2011-2016, среднее	-0,267*
Количество пунктов пропуска через государственную границу	0,271*
Количество вынужденных переселенцев	0,599**
Среднегодовая численность населения региона, 2016 г.	0,666**
Доля населения моложе трудоспособного возраста	-0,411**
Доля занятых с высшим образованием	0,227*
Доля занятых с основным общим образованием	-0,368**
Доля занятых без образования	-0,302**
Уровень безработицы, процентов	-0,352**
Среднее время поиска работы безработными, месяцев	-0,258*
Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, процентов	-0,293*
Выпуск квалифицированных рабочих и служащих на 10000 нас.	-0,381**
Выпуск специалистов среднего звена, тыс. человек	0,616**
Приобретение гражданства Российской Федерации (принято, восстановлено, признано)	0,609**
ИЧР	0,474**
* Корреляция значима на 0,05 уровне	
** Корреляция значима на 0,01 уровне	

Далее, показатели с наиболее значимыми и статистически достоверными коэффициентами корреляции ($r > 0,3$, $p < 0,05$) были подвергнуты процедуре кластерного анализа (использовался двухэтапный метод кластеризации). Кроме вышеописанных показателей в модель был принудительно включен показатель наличия / отсутствия государственной границы, позволяющий более точно выделить типы регионов с позиций их приграничного положения.

Финальная модель с показателями, имеющими наибольший вклад в разделение групп регионов, включала три кластера, два из которых описывали приграничные области России.

Первый кластер (24%, 18 регионов)¹ включал крупные приграничные территории (средняя численность населения – 2 423 тыс. человек), с большим количеством пропускных пунктов (среднее значение 8,4) и наименьшей долей населения ниже трудоспособного возраста. Среднегодовой миграционный прирост за счет международной миграции в данных регионах составил 5324,9 чел. (вариабельность от 996 до 12498 чел.).

По сочетанию стимулирующих и сдерживающих факторов в этих регионах существовали благоприятные условия для привлечения иностранных граждан: более высокий по сравнению с другими кластерами уровень жизни (судя по индексу человеческого развития) и невысокий уровень безработицы. В образовательных учреждениях данных регионов осуществлялась подготовка большого количества специалистов среднего звена, но при этом они отставали по количеству подготавливаемых квалифицированных рабочих и служащих. Регионы данного кластера: Алтайский край, Белгородская область, Волгоградская область, Воронежская область, Калининградская область, Краснодарский край, Красноярский край, Курская область, Ленинградская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Приморский край, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Челябинская область.

Второй кластер (33,3%, 25 регионов) объединял приграничные регионы, менее привлекательные для международных мигрантов. Несмотря на большую вариабельность среднего уровня международного миграционного прироста (от 66 до 3264 человек, среднее значение 830,9), другие характеристики отражали превалирование сдерживающих факторов в регионах данного типа: в них было гораздо меньше возможностей физического доступа к территории – количество пунктов пропуска составило 3,3 (во втором кластере – 8,4), они характеризовались более низким уровнем жизни (среднее значение индекса ИЧР – 0,77), были меньше по численности населения (среднее значение 786,7 тыс. чел.), в них была существенно выше доля населения ниже трудоспособного возраста (22,0% по сравнению с 17,4% во втором кластере) и более высокий уровень безработицы (9,6%, по сравнению с 5,8% во втором кластере). С другой стороны, в регионах данного кластера наблюдалась более высокая доля занятых без образования (0,4% по сравнению с 0,3% во втором кластере), в образовательных учреждениях на более высоком уровне налажен выпуск квалифицированных рабочих и служащих (76,8 на 10 тыс. человек, по сравнению с 51,3 во втором кластере), и, напротив, отставал от других регионов выпуск специалистов среднего звена (2,3 тыс. чел. по сравнению с 7,9 тыс. человек во втором кластере).

Указанные характеристики регионов оказывали воздействие не только на уровень международной миграции, но и на процессы получения гражданства Россий-

¹ Из типологии были исключены Москва и Московская область, показатели миграционной ситуации в которых существенно превышали все другие регионы, являлись статистическими «выбросами», искажающими выявляемые взаимосвязи и создаваемые кластеры, а также Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономный округа, «выбывающиеся» по показателю внутреннего регионального продукта на душу населения, Ханты-Мансийский авт. округ-Югра, Тюменская область, Санкт-Петербург, Архангельская область, Республика Крым и Севастополь, по которым отсутствовали сведения по отдельным показателям.

ской Федерации (среднее количество лиц, получивших гражданство в 2016 году в этих регионах составило 1222 чел., что более чем в 4 раза меньше, чем во втором кластере), а также на количество принимаемых регионом вынужденных переселенцев (среднее значение 799,1, разница по сравнению со вторым кластером составила более чем 6,0 раз). Регионы, включенные в данный кластер: Амурская область, Астраханская область, Брянская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, Магаданская область, Мурманская область, Псковская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Карелия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Смоленская область, Хабаровский край, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ.

Третий кластер (42,7%, 32 региона), включал регионы, не имеющие государственной границы. Средний международный миграционный прирост в этих регионах варьировал от 483 до 6061 человек, среднее значение составило 2651,5 чел. По всем показателям, включенным для обоснования в типологию, этот кластер занимал промежуточное положение между двумя другими кластерами, описывающими приграничные территории (табл. 2). В его состав были включены: Владимирская область, Вологодская область, Ивановская область, Иркутская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Липецкая область, Нижегородская область, Новгородская область, Орловская область, Пензенская область, Пермский край, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Республика Хакасия, Рязанская область, Свердловская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Чувашская Республика, Ярославская область.

Таблица 2

Описательные статистики выделенных кластеров,
минимальные, максимальные и средние значения

Показатель	Кластер 1			Кластер 2			Кластер 3		
	M±m	Min	Max	M±m	Min	Max	M±m	Min	Max
Средний международный миграционный прирост, 2008-2016, человек	5324,9 ± 572,1	996	12498	830,9 ± 156,5	66	3264	2651,5 ± 300,8	483	6061

Показатель	Кластер 1			Кластер 2			Кластер 3		
	M±m	Min	Max	M±m	Min	Max	M±m	Min	Max
Количество пунктов пропуска через государственную границу	8,4 ± 1,4	1	16	3,3 ± 0,5	0	9	0	0	0
Доля населения моложе трудоспособного возраста	17,4 ± 0,3	15	20	22,0 ± 1,0	15	35	17,6 ± 0,3	15	21
Среднегодовая численность населения региона, 2016	2423,1 ± 280,8	488	5484	786,7 ± 120,0	50	3003	1602,8		
± 188,8	450	4329							
Выпуск специалистов среднего звена, тыс. человек	7,9 ± 1,0	1	19	2,3 ± 0,3	0	6	5,4 ± 0,7	1	17
ИЧР	0,86 ± 0,0	0,83	0,89	0,77 ± 0,0	0,77	0,88	0,85 ± 0,0	0,81	0,89
Приобретение гражданства Российской Федерации (принято, восстановлено, признано), чел.	5274,4 ± 752,6	1232	14732	1222,0 ± 279,8	30	4975	3231,3 ± 590,2	403	12457
Уровень безработицы, %	5,8 ± 0,3	3	8	9,6 ± 1,1	4	31	5,6 ± 0,2	4	9
Количество вынужденных переселенцев	5139,2 ± 1437,1	259	18211	799,1 ± 260,6	4	5380	3019,9 ± 641,3	146	14126
Выпуск квалифицированных рабочих и служащих на 10 тыс. населения	51,3 ± 4,1	18	97	76,8 ± 7,9	30	228	65,7 ± 3,3	37	128
Доля занятых без образования	0,3 ± 0,0	0	1	0,4 ± 0,1	0	1	0,2 ± 0,0	0	1

Заключение

Таким образом, учитывая, что часть регионов не были включены в анализ, всего можно выделить пять групп регионов, различающихся по выраженности показателей, ассоциирующихся с уровнем международной миграции и определяющих степень влияния рисков, которые она может спровоцировать.

Первая группа состоит из центральных регионов – Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области, по понятным причинам наиболее привлекательных как для внутренних, так и для внешних мигрантов, прежде всего, как и центральные густонаселенные регионы, обладающие развитой транспортной, экономической и финансовой инфраструктурой, рынками труда, способными «переварить» значительное количество мигрантов. В силу высокого спроса на мигрантов и больших объемов миграционных потоков именно в этих регионах наблюдаются и большие риски миграции, связанные неэффективностью миграционной политики, контролем за нелегальной миграцией, межэтнической напряженностью.

Вторую группу образуют «нефтяные» регионы (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа), характеризующейся чрезвычайно высокой финансовой привлекательностью, которая наряду с экстремальными природно-климатическими условиями и спецификой экономики, ориентированной на добычу энергоресурсов и требующей особой организации рынка труда, требуют совершенно особого подхода к управлению.

Три следующие группы – это уже описанные выше кластеры, два из которых, в силу приграничного положения, являются по определению более уязвимыми к миграционным рискам, а один – несмотря на отсутствие государственной границы, в силу более благоприятных условий, чем в регионах второго кластера, успешно конкурируют с ними по объемам привлекаемой иностранной рабочей силы.

Мы разделяем мнение о том, что состояние безопасности региона определяется как существующими угрозами социальной безопасности общероссийского масштаба, то есть типичными для всех субъектов Российской Федерации, так и уникальной структурой угроз конкретного региона, обусловленных его геополитическим и социально-экономическим положением (Ноянзина, 2013). В этой связи разработанная типология является одной из попыток целостного видения миграционных процессов в контексте вызовов и угроз, стоящих перед российским обществом, учитывающего не только количественные показатели миграции населения, в частности, ее международную составляющую, но и увязывает их с показателями географического, демографического и социально-экономического положения. Выявленные факторы и характеристики типов регионов могут быть использованы для разработки рекомендаций по повышению эффективности миграционной политики, ее переориентации на оптимальное использование возможностей, предоставляемых международной миграцией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алешковский И.А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации. Век глобализации, 2011, (1), 159–181.

Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации. Век глобализации, 2015, (1), 36-51.

Ивахнюк И., Дауров Р. Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски. Миграция и национальная безопасность. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. ВА Ионцев. М.: МАКС-Пресс, 2003, (11), 30–51.

Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики. Мир России. Социология. Этнология, 2011, 20 (1), 34–50.

Ноянзина О.Е. К концептуализации понятия «Социальная безопасность региональных социумов». Известия Алтайского государственного университета, 2013, vol. 1, no. 2 (78), 2013, 209–213.

Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимова С.Г. Элементы социальной исключенности на региональном рынке труда: особенности экспертного восприятия. Известия Алтайского государственного университета, 2014, 2-1(82), 231–234.

Орлов А.Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации. Региональные исследования, 2013, (2), 120–124.

Патрушев Н.П. Транснациональная преступность, взаимосвязь наиболее опасных ее видов-терроризма, наркотрафика, нелегальной миграции, незаконного оборота оружия и радиоактивных материалов, пиратства. Право и безопасность, 2010, (4), 20-23.

Потапова А.А. Эмиграция из России: текущее десятилетие. Демоскоп Weekly, 2017, (719–720), 1–15.

Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы. Социологические исследования, 2005, (3), 71–81.

Рязанцев С.В., Лукьянец А.С. Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук, 2016, (1), 59–72.

Рязанцев С.В. Торговля людьми с целью трудовой эксплуатации и незаконная трудовая миграция в Российской Федерации: формы, тенденции, противодействие. Противодействие: доклад. 2013. URL: http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/11/russian_report_RU_PFD.pdf (дата обращения: 1.02.2018)

Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России. Балтийский регион, 2015, (3), 138–151.

Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека. Век глобализации, 2010, (1), 66–88.

Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Международное бюро труда, 2006.

Щербакова Е. Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учета составил 320 тысяч человек, а по прежним – 107. Демоскоп Weekly, 2012, (501–502), 5-18 марта 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php> (дата обращения 17.10.17).

Castles S., De Haas H., Miller M. J. The age of migration: International population movements in the modern world. Palgrave Macmillan, 2013.

De Haas H. Morocco's Migration transition: Trends, determinants and future scenarios. Global Commission on International Migration, 2005. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ba9a/35f98c1ed3df67b7c68d777f5f240b878e6a.pdf> (accessed 1 March 2016).

Epstein G.S., Gang I.N. Migration and Culture. In: Migration and culture (pp. 1-21). Emerald Group Publishing Limited, 2010.

Faist T. The migration-security nexus: International migration and security before and after 9/11. In: Migration, citizenship, ethnos. New York: Palgrave Macmillan, 2006, pp. 103–119.

Nail T. A tale of two crises: Migration and terrorism after the Paris attacks. *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 2016, 16(1), 158-167.

Pinyol-Jimenez G. The migration-security nexus in short: instruments and actions in the European Union. *Amsterdam LF*, 2012, 4, 36.

Rogers R. Copeland E. Forced Migration: Policy-Issues in the Post-cold War World. Medford: Tufts University, 1993.

REFERENCES

Aleshkovskij, I.A. (2011). Tendencii mezhdunarodnoj migracii naselenija v sovremennoj Rossii v uslovijah globalizacii [Tendencies of international migration of population in contemporary Russia in a globalizing world]. *Age of Globalization*, no 1, 159–181.

Ivahnjuk, I.V. (2015). Razvitie migracionnoj teorii v uslovijah globalizacii [Development of migration theory in a globalizing world]. *Age of Globalization*, no 1, 36–51.

Ivahnjuk, I., Daurov, R. (2003). Nezakonnaja migracija i bezopasnost' Rossii: ugrozy, vyzovy, riski [Illegal migration and security of Russia: threats, challenges, risks]. In: *Migration and national security. Scientific series: International migration of population: Russia and contemporary world*. Moscow: Maks-Press, pp. 30–51.

Mukomel', V.I. (2011). Integracija migrantov: vyzovy, politika, social'nye praktiki [Integration of migrants: threats, politics, social practices]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, no 20 (1), 34–50.

Noyanzina O.E. (2013). K konceptualizacii ponjatija «Social'naja bezopasnost' regional'nyh sociumov» [About conceptualization of the notion of “Social security of regional societies”]. *Izvestiya of Altai State University*, 2013, vol. 1, no. 2 (78), 209–213.

Noyanzina, O.E., Goncharova, N.P., Maksimova, S.G. (2014). Jelementy social'noj iskljuchennosti na regional'nom rynke truda: osobennosti jekspertnogo vosprijatija [Elements of social exclusion on regional labor market: peculiarities of expert perception]. *Izvestiya of Altai State University*, no 2-1(82), 231–234.

Orlov, A.Ju. (2013). Istoriko-geograficheskie aspekty transformacii jetniceskoj struktury naselenija Rossijskoj Federacii [Historic-geographical aspects of transformation of ethnic structure of population of the Russian Federation]. *Regional research*, no 2, 120–124.

Patrushev, N.P. (2010). Transnacional'naja prestupnost', vzaimosvjaz' naibolee opasnyh ee vidov-terrorizma, narkotrafika, nelegal'noj migracii, nezakonnogo oborota oruzhija i radioaktivnyh materialov, piratstva [Transnational crime, interrelation among most dangerous kinds – terrorism, drug trafficking, illegal migration, illicit arms trafficking, piracy]. *Law and security*, no 4, 20-23.

Potapova, A.A. (2017). Jemigracija iz Rossii: tekushhee desjatiletie [Emigration from Russia: current decade]. *Demoscope Weekly*, no 719-720, 1–15.

Rybakovskij, L.L. (2005). Demograficheskoe budushhee Rossii i migracionnye process [Demographic future of Russia and migration processes]. *Sociological Studies*, no 3, 71–81.

Ryazancev, S.V., Luk'janec, A.S. (2016). Jemigracija molodezhi iz Rossii: formy, tendencii i posledstvija [Emigration of youth from Russia: forms, tendencies and consequences]. *Herald of Tajik State University of law, business and politics. Social sciences series*, no 1, 59–72.

Ryazancev, S.V. (2013). Torgovlja ljud'mi s cel'ju trudovoj jekspluatacii i nezakonna-ja trudovaja migracija v Rossijskoj Federacii: formy, tendencii, protivodejstvie: doklad [Human trafficking with a view to labor exploiting and illicit labor migration in Russia: forms, tendencies, counteraction: report]. URL: http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/11/russian_report_RU_PFD.pdf (accessed 1 February 2018).

Safronov, S.G. (2015). Sovremennye tendencii transformacii jetnicheskogo sostava naselenija Rossii [Contemporary tendencies of transformation of ethnic composition of population of Russia]. *Baltic region*, no 3, 138–151.

Taran, P. (2010). Globalizacija i trudovaja migracija: neobhodimost' politiki, osnovannoj na pravah cheloveka [Globalization and labor migration: necessity for policy, based on human rights]. *Age of globalization*, no 1, 66–88.

Tjurjukanova, E. (2006). Prinuditel'nyj trud v sovremennoj Rossii: nereguliruemaja migracija i torgovlja ljud'mi [Forced labor in contemporary Russia: irregular migration and human trafficking]. *International Labour Office: Genève*.

Shherbakova, E. (2012). Migracionnyj prirost naselenija Rossii za 2011 god po novym pravilam ucheta sostavil 320 tysjach chelovek, a po prezhnim – 107 [The growth of migration in Russia in 2011 assessed as 320 thousands according to the new rules, and 107 by the old rules]. *Demoscope Weekly*, no 501– 502. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php> (accessed 17 October 2017).

Castles, S., De Haas H., & Miller M. J. (2013). *The age of migration: International population movements in the modern world*. Palgrave Macmillan.

De Haas, H. (2005). Morocco's Migration transition: Trends, determinants and future scenarios. *Global Commission on International Migration*. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ba9a/35f98c1ed3df67b7c68d777f5f240b878e6a.pdf> (accessed 1 March 2016).

Epstein, G.S., & Gang, I.N. (2010). *Migration and Culture*. In: *Migration and culture* (pp. 1-21). Emerald Group Publishing Limited.

Faist, T. (2006). The migration-security nexus: International migration and security before and after 9/11. In: *Migration, citizenship, ethnos*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 103–119.

Nail, T. (2016). A tale of two crises: Migration and terrorism after the Paris attacks. *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 16(1), 158-167.

Pinyol-Jimenez, G. (2012). The migration-security nexus in short: instruments and actions in the European Union. *Amsterdam LF*, no 4, 36.

Rogers, R., & Copeland E. (1993). *Forced Migration: Policy-Issues in the Post-cold War World*. Medford: Tufts University.